

Лингвистика тропов: сходства и различия в национальных стилях

ВИКТОР И. ИВЧЕНКОВ

(Минск)

Достоянием XX века стало четкое разграничение двуаспектности языка, а именно системы языка и его функционирования, выражаясь языком В. Гумбольдта, -- *ergon* и *energeia*. Если в первой половине минувшего столетия основным аспектом изучения был структурно-системный, то со второй половины укрепляется подход изучения со строгим учетом локутивного действия, т. е. употребления языка его носителями.

Без учета участников речевого акта, без знания коммуникативной ситуации невозможно дать адекватное описание языка в целом. В конце прошлого столетия М.Н. Кожина указывала на то, что исследование функциональной – иначе речеведческой – стороны языка, причем как лингвистического феномена, только начинается (Кожина 1983: 10). Неравномерность развития изучения двух сторон одного целого кажется парадоксальной. В это же время исследователями было отмечено: «Парадоксальность развития языкознания состоит в том, что изучение художественной речи выделилось в самостоятельную лингвистическую дисциплину совсем недавно, хотя уже первые специалисты по грамматике занимались не чем иным, как изучением художественной речи» (Ромашко 1985: 17). Правомерность данного суждения очевидна.

Лингвисты не могли долго оставлять вне фундаментальных разработок функциональную сторону языка в силу ее значимости. Появившиеся работы советского академика В.В. Виноградова основательно утвердили идею о необходимости развития стилистики как самостоятельной лингвистической науки. Поэтому все большее распространение находит исследование

стилистических явлений в языковом и речевом аспектах. Это отражено в различных направлениях: стилистика языка, т.е. традиционная стилистика ресурсов, стилистика речи, стилистика текста, практическая, функциональная, историческая, сопоставительная, декодирования и др. Особое место в структуре этих стилистик занимают тропы, исследование которых носит специфический характер.

Стержнем образования тропа как одного из средств словесной образности является перенос, отношение между прямым и переносным значением, посредством которого создается имплицитное значение, т.е. значение до конца не раскрытое, не развернутое, т.к. каждый воспринимающий может по-своему в деталях ассоциировать полученную художественно-эстетическую информацию, что представляется как принципиально важный механизм.

Система тропов определяется при помощи схематических и методологических основ их реализации в одном произведении и подчинена тенденции развития имплицитного значения во всем творчестве писателя. Если носитель языка строит новый троп, то он всегда опирается на закономерности и традиции выбора потенциальных сем слова. Использование тропов иногда не осознается непосредственным ее создателем и выносится им за рамки вдумчивого осознания. Это объективно, т.к. писатель использует знаковые единицы уже в кодифицированном состоянии. Главное, не выйти за рамки узусальной правомерности. Таким образом, тропы при исследовании стиля писателя необходимо рассматривать не эклектично, а во взаимосвязи – как органический структурный компонент текста. В таком ракурсе исследования определенно изучается дихотомия языка и речи.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является троп как средство словесной образности в лингвистической интерпретации. Поэтому на первый план выступает описание структуры, формально-содержательного аппарата тропеического процесса в функциональном действии, т.е. в репрезентации имплицитного значения в художественной речи. Не менее важным представляется наблюдение над формальным выражением тропов в плане адекватного/неадекватного перевода. Тем самым определенно сопоставляются системы тропеичности двух близкородственных языков, в нашем случае – белорусского и русского. При этом отображается их близость и национальное своеобразие.

Исследование тропа в сопоставительном плане, когда полем его функционирования является художественная речь, – проблема чрезвычайно важная для сопоставления языков в семантическом разрезе. Для доказательства

близости и различия образных систем двух или более языков необходимо провести многочисленные исследования функционирования языковых элементов в различных пластах выражения сущности денотативного мира. Лишь результат тщательного изучения общезыковых систем русского и белорусского языков может дать посылки для типологических выводов.

Учитывая невозможность в некоторых случаях буквальной передачи тропеического употребления, наряду с системой тропоиспользования писателя рассматривается контекстуальная взаимообусловленность сделанного перевода. При этом перевод не должен страдать за счет трансформации тропеических единиц, т. к. именно они наиболее ярко демонстрируют своеобразие творчества писателя.

Материалом для исследования стали произведения белорусского писателя Владимира Короткевича и их переводы на русский язык. Обращение к изучению языка произведений В. Короткевича продиктовано необходимостью не только начать системное изучение его стиля, но, в первую очередь, учитывая национальный колорит и богатство средств тропеизации, показать троп как структурный компонент организации прозаической речи.

Лиризм повествования, романтическая направленность порождают в прозе В. Короткевича богато насыщенную образность, яркую индивидуальность тропеического употребления. Тропы, создающиеся главным образом за счет «преломления» денотативированного выражения, окрашивают эмоциональную картину речевого фрагмента соответственно спектральной композиции целого произведения. Объекты тропеизации, «прикрепляя» к себе по законам образности субъект, объемно передают результаты психологического восприятия бытийных реалий.

Система тропов в произведениях В. Короткевича имеет свою специфику по самым различным параметрам структурного включения того или иного элемента в речевую ткань. При аналитическом описании тропы целесообразно изучить в индивидуально-авторском оформлении в трех основных аспектах: функционирования, перераспределения и трансформации переносных выражений, а именно изоморфизм в плане лексико-семантической, лексико-грамматической и семантико-стилистической организации. По пути исследования тропа как элемента стилистики художественной литературы особое внимание привлекает лингвистическая феноменальность организационного и формально-содержательного аппарата имплицитного значения, которое линейно включается в речевой отрезок. Синтагматические отношения рассматриваются как базовые, т. е. лежащие в основе предмета

изучения. Это объясняется тем, что эмпирической базой исследования является кодифицированный стилевой поток речевых знаков индивидуума. В тех случаях, когда достраиваются ассоциативные связи результата переноса, его сущностная и процессуальная стороны, всегда принимается во внимание парадигматическая абстракция потенциальных форм.

Исследование тропов в произведениях художественной литературы с позиции лингвистики определяется теоретическим и прикладным значением проблем, связанных с вопросами организации художественных текстов, прагматической значимости переносных значений слова, выражения экспрессии путем переориентации семантического качества. Функционирование тропов в произведениях писателя выявляет особенности формальной и содержательной интерпретации стилистического выбора.

Теория тропов в русском языкознании, и в особенности в белорусистике, не получила четкого освещения. Нет последовательности в выделении видов тропа и шире – в дифференциации средств словесной образности на стилистические фигуры и тропы. Существует терминологическая неупорядоченность.

Для более полной характеристики тропеической сущности необходимо указать на категориальный характер имплицитности тропа. Индивидуально-авторский троп всегда имплицитен в силу подразумеваемости, невыраженности результата переноса. Имплицитность максимально присутствует в тропе до тех пор, пока он не станет языковым фактом, пока за ним не закрепится более или менее эксплицитное значение. В переносном образном употреблении слова всегда присутствует имплицитное тропеическое качество, характерное для конкретной речевой ситуации, которое имеет выраженный смысл в плане субъективного авторского видения, но по отношению к реципиенту является скрытым, неразвернутым до конца в силу языковой компетенции, психологического склада того или иного индивидуума. В данном случае исключаются стилистически неоправданные, неправильные тропы. Языковые тропы могут активизировать имплицитность при трансформации компонентного состава тропеического выражения.

Соотнесение понятий имплицитности и образности пропорционально. На уровне имплицита в тропе конструируется рецептивное, т. е. привнесенное в конкретное выражение образное наполнение, которое настолько образно, насколько это позволяет имплицитная форма созданного авторским видением сигнификата. В некоторых случаях экспликация имплицитного образа способствует грамматическая форма. Тропеическое качество,

содержащее в себе образ, указывает на присутствие имплицита, т.к. восприятие его сугубо индивидуально; реципиент лишь стремится максимально постигнуть это качество. Таким образом, тропеическая имплицитность всегда содержит в себе образность. Поэтому два понятия – имплицитный и образный – взаимоопределяемы.

Троп – универсальное явление. Процесс семантической интерпретации на уровне имплицита имеет единый в общих чертах в белорусском и русском языках механизм. Дивергентным может быть конкретное его наполнение (лексическое, грамматическое). Лексическая неоднородность тропов в белорусском и русском языках естественна, т.к. имеет основой своего возникновения объективно существующую языковую практику. Многие из несубъективных антиномий при переводе произведений В. С. Короткевича определяются экстралингвистически, суть чего наличие/отсутствие, распространенность/нераспространенность элементов действительности, которые имеют лексическое обозначение и ориентируют на народную образность, создавая тем самым национальные традиции образования и использования (ср.: *хлеб, падобны на торф, хустка ўзаранай зямлі, дзяўчаты – вербы, рукі белыя, як бярозы* и т. д.). Лексема в совокупности содержащихся в ней образных возможностей, вытекающих из полисемичной системы конкретного слова – основной отправной элемент создания тропа. Развивая имплицитное значение, индивидуум использует заложенные в данном слове на уровне языка интегральные признаки *tertium comparationis*, явно эксплицитированные (вербальные, адъективные, адвербиальные сравнения) и неэксплицитированные грамматически (субстантивные сравнения, метафора, эпитет, метонимия); первое организуется морфолого-синтаксическим путем, второе – только морфологическим.

Грамматическое выражение тропа в двух языках в основном совпадает, и его конвергентность/дивергентность базируется на лексической организации в оригинале. Несубъективными причинами возникновения переводных антиномий в этом плане можно считать замены глаголов его агрибутивными формами.

Синтаксическое оформление сравнения имеет специфический тропеический выразитель – союз, который привносит в имплицитное значение модальность. Исследование структурных типов сравнений указывает на неординарность семантической специализации союза реальной модальности «как» (контаминация его в переводах на русский язык союзами ирреальными) и союзов ирреальной модальности (контаминация их семантических нюансов). Особенно широко представлено неразличение сравнительных союзов в

вербальных сравнениях, наблюдается усиление дифференциации их значений в адъективных, субстантивных.

Структурные типы тропов в тексте выполняют свое единственно верное назначение в передаче авторских ассоциаций, видения писателя. В особо важных и существенно значимых для постижения идеи произведения случаях наблюдается трансформация одного вида тропа в другой. Здесь актуализация имплицитного значения наиболее продуктивна при переходе сравнения, где представление возникает путем синтезирования двух самостоятельных лексем, объединенных союзным оформителем в метафору, олицетворение, антономасию (*людзі, як каласы – каласы пад сярпом тваім; жанчына, як чазенія – чазенія; худы, як бізун – бізун*). Тропы дифференцируются по семантическим, информативным задачам и модификации внутри структурных типов (ср. развернутое сравнение, сравнительный оборот, придаточное сравнительное, творительный сравнения, а также субстантивные, вербальные и т. д. сравнения). Взаимодействие структурных оформителей тропеических конструкций создает систему тропообразования и использования в произведениях конкретного писателя.

Исследование тропа в текстах В. Короткевича и их переводах на русский язык показывает несомненную близость образных систем белорусского и русского языков. Общее в их системах обнаруживается прежде всего в процессе тропеизации в пределах различных частей речи (по этой причине почти всегда совпадают структурные типы сравнений, метафор, эпитетов), выявляются сходные тематические группы. В белорусском и русском языках идентичными являются грамматические оформители тропеических конструкций, редуцирующие тропеичность морфы.

Образная система исследованных произведений В. Короткевича имеет свои особенности, общие и частные функции, закономерности. Троп – органичный структурный компонент организации художественного текста, включающийся в него прямо пропорционально пресуппозиции. Тропы в произведениях писателя живы и выразительны, ярко отображают прагматическую сторону повествования (особенно изобразительны и активны в представлении прагматичности персонификации), всегда выражают оценку (мелиоративную или пейоративную). Наиболее продуктивно выражают мир писателя, его образное мышление сравнения и эпитеты, где автор обычно интегрирует эпентичные предметы, явления, признаки (кваликативно новы в произведениях синестетические тропы); эмоционально

насыщенными и обладающими большими экспрессивными свойствами являются олицетворения и персонификации.

Наиболее употребительными в прозе В. Короткевича являются сравнения. Для них характерно: 1) доминирование двух способов организации сравнений: вербальный и адъективный. Посредством эксплицированных интегральных признаков *tertium comparationis* репрезентируется таксономия гиперо-гипонимической обусловленности, образно определяется действие или признак, которые в свою очередь образно характеризуют его производителя или носителя; 2) тенденция к унификации компонентного состава в формальном плане синтаксиса (преобладание употребления формы сравнительного оборота; продуктивность усеченных форм) при семантически разнообразном представлении тропеического качества; 3) широкое применение сравнений в роли стержневой доминанты контекста, в случаях композиционного воплощения в тропе идеи произведения – в роли композиционной константы (*чозения*); 4) тесное взаимодействие структурных компонентов сравнения при определяющей роли прикомпаратива; 5) адаптивное компаративное звено к свойствам прикомпаратива; 6) эллиптичность сказуемого и унифицированность форм с эллипсисом гиперонима (иногда гиперонима и гипонима); 7) актуализация тропеического качества парцелляцией; 8) продуктивность выражения имплицитного значения творительного сравнения; 9) высокая степень динамичности имплицитного значения в вербальных (адвербиальных) сравнениях; 10) закономерность развития адъективными сравнениями выражений формой сравнительного оборота (нарушение ее в ирреальных); 11) дескриптивность субстантивных сравнений; 12) стремление к конкретизации характеристики (посредством признака субъекта сравнения – адъективные, вербальные, адвербиальные). Сигнификация имплицитного значения сравнений реализуется тремя путями: а) создание индивидуально-авторских сравнений, б) обновление воспроизводимых традиционных сравнений, в) употребление фразеологических сравнений; 13) репрезентация стилистической окраски сравнения выявляется в контексте. Сравнение несомненно представляет имплицитное значение и является тропом. Особой спецификой обладают фразеологические сравнения.

Метафора является одним из компактных тропеических средств, выражающих только объект сравнения, ассоциация которого в силу неэксплицированности субъекта приобретает особый эффект сотворчества. Понятие метафоры не тождественно понятию перенос; включаясь в так-

сономии перенос–троп–метафора, метонимия, эпитет и т. д., она является лишь частным проявлением переноса. Метафора суть переноса значения слова, а не наименования. Организация ее совершается морфологическим способом (вербальные и субстантивные) и синтаксическим (генитивные). Метафора оформляется глаголом или существительным, признаковой группой слов она не выражается. Атрибутивными элементами создается эпитет.

Метафора в прозе В. Короткевича имеет следующие характеристики: 1) преобладает глагольная метафоризация, чем выражается динамичность и экспрессивность художественного текста, т. к. совмещение в вербальной метафоре значений уровней денотата и имплицита служит актуализирующим средством итогового элемента тропеизации – имплицитного значения; 2) вербальная метафора активно реализуется за счет пресуппозиции текста; 3) проявляет действенный стилистический эффект благодаря предикативной функции в предложении; 4) наиболее окказиональны вербальные метафоры состояния, в них распространен элемент прозопопеи; 5) особой изобразительностью обладают соматические вербальные метафоры, т. к. стилистически действительно передают характеристику того или иного персонажа, явно проявляют оценочность; 6) вербальные метафоры в основном тропеически аналогизируются по сходству, подобию действий, состояний; сходства по форме могут передаваться лишь в том случае, если в самом обозначении процесса подразумевается описание формы предмета (*кучаравліся, змялася*); 7) более расположенными к метафоризации геометрических параметров являются субстантивные метафоры; 8) продуктивным приемом в передаче различных аналогов является лексический повтор, организующийся использованием возможностей разветвленной семической системы конкретного слова (например, глагол *гарэць*); 9) тесная взаимосвязанность вербальной метафоры с контекстом, определенное ослабление ее в субстантивных (это свидетельствует о более цельной тематической общности в рамках предложения вербальной метафоры); 10) метафоризация значения в прозе В. Короткевича происходит в пределах одной семантической категории слов, в которой семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного значения другим; 11) морфологические свойства глагола значительно влияют на репрезентацию его тропеического качества; 12) особую группу глаголов в произведениях писателя составляют глаголы с семантическим параметром цвета (метафоризация контекстуальная и контекстуально этимологическая); 14) большой информативностью обладают метафоры субстантивно-вербального характера; 15) в прозе В. Короткевича распространены генитивные метафоры и менее –

собственно субстантивные; 16) собственно субстантивные метафоры приобретают предикативность при парцелляции, этим усиливается экспрессивность; 17) частным проявлением метафоры можно считать олицетворение. Олицетворение (в особенности персонификация) в произведениях писателя – самый яркий и выразительный способ репрезентации прагматического знака тропа. Прозопопеизация в языке художественных произведений характеризуется: а) процессуальностью реализующегося переноса, б) тесной взаимосвязью с идейно-плановым контекстом, в) окказиональностью, г) недетерминированностью прозопопеических глаголов, д) приверженностью к прозопопеизации отдельных тематических групп (например, глагол *плакать*), е) многосторонним использованием в качестве олицетворения глаголов несовершенного вида, ж) снижением числа переводных антиномий, что объясняется индивидуально-авторским характером олицетворений, з) бинарностью реализации тропеического качества (использование в организации олицетворения возвратных глаголов, синтаксическая дополняемость характеристики процессуального признака).

Персонификация – наиболее эмоционально насыщенный троп. Типичной формой ее выражения является обращение (риторическая обработка). Использование В. Короткевичем персонификаций тематически объединяется в одну группу – земля, Родина, Белоруссия. Персонификации ярко выражают позиции автора, служат эффективным приемом воздействия на реципиента.

Важным средством словесной образности является эпитет. В прозе В. Короткевича – это распространенный способ репрезентации имплицитного значения в соответствии с определенными задачами (дать образную характеристику предмету, явлению, свойству, действию). Наиболее частотной в произведениях писателя является модель, в которой эпитет выражен прилагательным (далее – Мод. 1). Адъективный компонент этой модели может быть представлен в препозиции, постпозиции, в препозиции и постпозиции одновременно. Усиливающим эмотивным эффектом обладают два последних вида. Одна из особенностей – повсеместное функционирование эпитетов в тексте. Особой спецификой обладают эпитеты, в которых прилагательное (относительное в своей первооснове) развивает качественное значение. Широко используются синестетические эпитеты, активно реализуются тропеические характеристики соматические метонимическим путем; эпитетация подкрепляется морфемными составляющими. Эпитетация в произведениях В. Короткевича имеет особенности: 1) преобладание варианта тропеизации от-

носительных прилагательных по семам вид, цвет; 2) частая парцелляция эпитета Мод. 1 в препозиции определения; 3) эффективное использование образно насыщенного эпитета Мод. 1 в форме сложного прилагательного, переплетение в определении одного предмета его разновидностей (качественное прилагательное – качественное прилагательное, относительное прилагательное в качественном значении – качественное прилагательное); 4) более ослаблена репрезентация имплицитного значения в эпитетах типа *шпалеры кававага колеру*, использование при них эстетического детерминанта; 5) продуктивность выражения тропеического качества атрибутивными формами глагола (в частности, причастием); 6) применение эпитетов, выраженных наречием, при характеристике интенсивности процессуального признака (эпитеты с семантическим параметром *magn*) и оценочного качества (*сказала цвёрда*); 7) уникальность выражения эпитета категорией состояния; 8) компактность и широкие образные возможности эпитета типа *мачаха-прагімназія*.

В прозе В. Короткевича широко представлено явление синкретизма тропов, адекватное отражение оно находит и в переводах на русский язык. Взаимодействие видов тропа при реализации художественно-эстетических задач имеет под собой единую основу в белорусском и русском языках. Стилистическая маркировка тропов не всегда совпадает, что свидетельствует о разнородности в некоторых случаях стилистической окраски лексики в двух языках.

Образные выражения В. С. Короткевича доступны широкому читателю. Но в доступности и простоте ассоциативных представлений кроется глубокое понимание психологии жизни, особое видение мира. Именно тропы ярко отображают видение писателем окружающего мира, создают экстра- и интралингвистическую базу организации высокохудожественных произведений.

Литература

- Кожина М.Н., 1983, *Стилистика русского языка*, Москва, 223 с.
Ромашко С.А., 1985, *Поэтика и языкознание в теории немецкого романтизма. (К истории взаимоотношения двух дисциплин)*. – Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Москва, т. 44, с. 17–27.

Linguistics of Tropes: Similarities and Differences in National Styles

Based on the materials of the works of the Belarusian writer Vladimir Korotkevich and their translations into Russian, the problems of linguistic organization of tropes are considered, their generating features of the idiostyle and creative manner of mastering words are defined, similarities and differences in national stylistic systems of the Russian and Belarusian languages are presented, and the categorical character of trope implicitness is revealed.

Key words: language, speech, trope, figurativeness, implicitness, translation antinomies, metaphor, comparison, epithet, national peculiarity, similarity, differences, translation.

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..